

Г. Любарский

Слова двух культур

В 2003 году из печати одновременно вышли два словаря: “Словарь средневековой культуры” (под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: Росспэн, 2003, далее именуемый ССК) и “Константы: Словарь русской культуры” (Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2003, далее именуемый КСРК).

Почему эти словари интересно сравнить? Почему их можно сравнивать? ССК подчеркивает, что речь в нем идет только о западном средневековье, это словарь культуры Западной Европы с V по XV век. КСРК утверждает, что существуют базовые концепты русской культуры, их всего 40–50, они постоянны, а меняются лишь их соотношения, операции с ними. В таком случае речь идет о сравнимых словарях двух культур: перед нами “Словарь Запада” – западной культуры на средневековом этапе ее развития, и “Русский словарь” (в том аспекте, в котором русская культура всегда равна себе, устойчива и постоянна).

Пользуясь этими словарями, можно пытаться ответить на вопросы: как разошлись западная и русская культура? Насколько различны их базовые установки? Возможно ли налаживание продуктивного диалога между ними? Простой перевод не многое может, если за одним словом лежат разные концепты, если одни и те же понятия (скажем “право”) имеют в этих культурах совсем разный смысл. Только познакомившись с наличной разностью смыслов, можно начинать разговор, не обманываясь внешне сходными звучаниями.

* * *

Словари эти – разные, их авторы знамениты и работают в разных областях знания. Каждый из авторов признается, что его словарь не полностью отвечает своему назначению, не вполне точно решает поставленную задачу. Помимо того, авторы словарей имеют разные взгляды, и поэтому даже одно и то же явление могут оценивать и описывать совсем по-разному.

Различия взглядов, представленные в этих словарях, могут быть прослежены до самых корней многих очень известных философских диалогов – ну, например, до самых оснований спора славянофилов и западников. В том, как описаны в словарях западная и российская культуры, мы встречаем множество противопоставлений. То, что говорится в одном словаре, противоречит сказанному в другом. В таких случаях принято вышучивать гуманитариев и требовать, чтобы ученые сговорились и решили, что и как было на самом деле. Так принято.

Однако мы поступим совсем иначе – мы поверим обоим авторам, по возможности – безоговорочно. В словарях профессионально и талантливо описаны основные концепты средневекового Запада и России (современной, прошлой, будущей – самоотжественной). В текстах (более чем в 60 учетных издательских листов каждый) легко отыскать сколько угодно взаимных противоречий, но ситуация тем и замечательна, что, по большому счету, у авторов расхождений нет. Они говорят о разных объектах, лишь изредка бросая косой взгляд на “чужой”

предмет, и даже при этом совсем не всегда оказываются друг с другом не согласны. Имеющиеся расхождения уместнее трактовать не как расхождение авторов, а как расхождение *реалий*. Если хотите, реалий сознания или общественного подсознания, короче, того, из чего соткана культура – идей.

Итак, мы доверяем авторам и собираемся сравнить словари. Я не буду обсуждать, прав ли тот или другой автор, соответствуют ли его суждения реальности, логичны ли они и т. д. Вопрос согласия или несогласия с тем или иным мнением или обоснованием авторов словарей – всецело вне предмета данной публикации, я только пытаюсь сравнить то, что уже *сделано*.

Теперь надо пояснить, что именно мы будем сравнивать. Нам будет интересно сравнивать не “тексты”, не научные позиции и круг источников, не “образцы энциклопедических изданий”, а именно то, что перед нами находится в самом прямом смысле: “Словарь Запада” и “Словарь России”. Мы попытаемся сравнить ведущие идеи двух культур, а не два научных или популяризаторских труда.

Сравнение обретает еще один занятнейший оттенок смысла, если мы обратим внимание на то, что оба словаря, по большому счету, написаны российскими авторами (в “Словаре средневековой культуры” довольно много статей принадлежат европейским историкам, но не они определяют специфику и общий взгляд издания). И потому перед нами – впрочем, как всегда в подобных случаях – два взгляда: на Россию и на Запад, и это взгляды *из одной точки*, из России.

Основания сравнения

Для начала сравним основные принципы, в соответствии с которыми устроены эти словари.

1. Предмет исследования

“Словарь русской культуры” заявляет: “Наша предпосылка такова: русская культура составляет часть, ответвление, стадию, ареал и т. д. европейской культуры” (КСРК. С. 6).

А вот что говорит “Словарь средневековой культуры”: “Речь пойдет о явлениях, характер-

ных для Западной Европы на протяжении тысячелетий – от V до XV века. При всем многообразии социальных и культурных форм всем странам указанного региона было присуще нечто общее и в конечном счете определившее характер культуры, а именно: господство латинской версии христианства – католицизма” (ССК. С. 5).

Значит, наши словари не противоречат друг другу: каждый описывает самостоятельный культурный ареал, не пересекающийся с другим. “Словарь Запада” говорит только о Западной Европе, “Русский словарь” признает, что описывает особое ответвление европейской культуры. В словарях подчас используются одни и те же слова, но предметом их являются совсем разные вещи. И потому все противоречия следует понимать не как спор о словах, а как условие взаимодействия культур.

2. Структура статьи

КСРК в целом придерживается следующего плана словарной статьи: 1) этимология, понимаемая как предыстория понятия; 2) греческая, византийская, европейская история понятия; 3) русская история понятия; 4) сегодняшний день бытования понятия.

В ССК структура статьи – понятийно-логическая. Сначала идет определение родового понятия, потом это понятие подразделяется на виды. Эти виды родового понятия связываются между собой функционально-эволюционной схемой происхождения, так что обычно виды понятия выстраиваются в генеалогическое древо, рисующее развитие родового понятия от исходной формы к конечной. Каждый вид понятия иллюстрируется ясным примером, представляющим классическое для данного вида историческое явление.

3. Структура словаря

В ССК все понятия расположены по алфавиту. Если какие-то понятия близки друг к другу, о них надо говорить вместе – такие близкие понятия либо соединены в одной словарной статье под общим названием, либо связаны перекрестными ссылками. Отдельная статья выстроена по принципу деления понятий: родо-

Нам интересно сравнивать не “тексты”, не научные позиции и круг источников, не “образцы энциклопедических изданий”, а именно то, что перед нами находится в самом прямом смысле: “Словарь Запада” и “Словарь России”

вое понятие (название статьи) характеризуется через составляющие его видовые понятия. В результате вся сложнейшая сеть понятий культуры уложена в строгую и удобную для использования форму.

КСРК устроен совсем иначе. Здесь понятия объединены в “гнезда” по своей смысловой, концептуальной близости. Объединение понятий в одно такое гнездо вовсе не тривиально, это результат глубоких исследований автора, и потому причины такого объединения высказаны только внутри самих словарных статей. Многие понятия более низкого уровня, не ставшие заголовками отдельных статей, а являющиеся лишь подразделами глав, найти можно только через предметный указатель.

4. Основной материал

В “Словаре русской культуры” основной упор делается на языковые данные, на этимологию (автор – лингвист, известный семиотик). Основной “герой” словаря – концепт, проходящий сквозь языки и культуры, принимающий то или иное значение, всегда частное, не равное “надязыковому” смыслу концепта. Концепт отклоняющийся, инвертирующийся, возвращающийся к самому себе – этот концепт правит языком и людьми, и ему посвящен словарь. И потому первое слово его названия: “константы”.

В “Словаре средневековой культуры” основное внимание уделяется этнологии и антропологии (автор – историк и культуролог). А.Я. Гуревич в предисловии отмечает, что данный словарь относится к направлению исторической антропологии. “В центре историко-антропологического исследования находится человек, представитель социальной группы, член коллектива, с которым его объединяет общность мировоззренческих установок, система мировосприятия и социального поведения” (ССК. С. 6).

Тут выступает разное понимание авторами своего предмета, но – вполне внешнее, лишь на уровне выражения. В “Словаре средневековой культуры”, конечно, говорят о человеке, но “Неотъемлемым аспектом исследования становится история понятий, которыми пользовались носители изучаемой культуры” (ССК. С. 7). Здесь можно найти основу для тонкого научного диспута, что главнее и базиснее, но в целом основные установки исследований “не спорят” меж собой: в обоих случаях авторов интересует человек соответствующей культуры, а человек этот видится через призму его идей, через понятия, концепты.

5. Доказательство существования объекта описания

Ю.С. Степанов, споря в предисловии с оппонентами, задается страшным вопросом: а существует ли такой объект, как русская культура? Ответ звучит так: “Русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты” (КСРК. С. 8).

Казалось бы, и вопрос очень каверзный, и ответ какой-то слабый. Ответ означает: пока есть люди, готовые производить действия, характерные для русской культуры, существует и русская культура, и данный КСРК является “самоподтверждающимся пророчеством”, “самоосуществляющимся доказательством”: раз есть этот словарь (и много чего еще, разумеется), значит, есть и русская культура.

Окончание см. на стр. 69 →

→ *Окончание статьи.*

Может показаться, что это только авторам русских словарей приходится такими мыслительными ходами обходиться, а вот иные культуры настолько самоочевидны, что достаточно просто ткнуть в явление: “Ну, как же? Вот же она, эта культура!” И никаких тебе сложностей.

И уж Европа-то... Однако “показать” европейскую культуру – дело достаточно сложное. Вот как выглядит доказательство существования объекта у А.Я. Гуревича: “Не только для наблюдателя, смотревшего на Запад извне, но и для самих его обитателей Европа представлялась в определенном смысле единством. Ибо Римская империя, объединявшая весь цивилизованный мир, по убеждению современников, никогда не умирает” (ССК. С. 11).

Получается, что “ткнуть” в существование Европы как в несомненную реальность, конечно, можно, только основание этой несомненности – существовавшая многие сотни лет назад Римская империя, которую помнили, на которую оборачивались и ориентировались различные племена и народы, так что существование Западной Европы коренится в том, чего сейчас нет, но что живет в действиях и идеях европейцев.

Тем самым доказательства существования исследуемой культуры у обоих авторов словарей почти идентичны. И несомненно культурно самостоятельная Европа, и Россия, чья культурная самостоятельность спорна, вроде бы даже сомнительна, живут одним и тем же: действием идей соответствующей культуры.

6. Общественное подсознание

Как же приходится изучать эту культуру, которую так непросто обосновать, на которую трудно указать и которую приходится ежечасно *делать* только для того, чтобы она *была*?

Ю.С. Степанов утверждает: “В Словаре речь идет о концептах, представляющих собой в некотором роде «коллективное бессознательное» современного российского общества...” (КСРК. С. 8).

А.Я. Гуревич указывает на сложности изучения культурной “истории социального”. “Исто-

рию приходится изучать «изнутри» – в полной мере принимая в расчет взгляды и верования участников исторического процесса, в том числе не одни лишь отчетливо прорефлексируемые идеологические установки, но и размытые во всей толще общества, более текучие и расплывчатые социально-психологические формы... История «сверху» неотрывно связана с историей «снизу», историей того образа мыслей, которую современные исследователи нередко называют историей народной культуры” (ССК. С. 7).

И снова установки исследователей поражают своим сходством. Впрочем, высказанная и тем, и другим ученым мысль имеет довольно долгую историю. В 1821 году Вильгельм фон Гумбольдт в сочинении “О задаче историка” сказал: “В ходе этого исследования делалась попытка внушить две вещи: что во всем происходящем действует не воспринимаемая непосредственно идея и что познана эта идея может быть только в пределах самих событий. Поэтому историку не следует искать решения всех вопросов только в материальном мире и исключать идею из изображения происходящего”¹.

Эту мысль мы выскажем так: история есть симптоматология духа; осмысленные исторические процессы проявляются в материальных событиях как симптомы движения идей; отсюда ясно, что история искусств и легенды, мифы, традиции, мнения общества дают историку ключ к пониманию этих процессов. И потому сравнение словарей можно рассматривать как прямое действие по сравнению культур. Мы находимся в ситуации работы с самим объектом (культурой), когда сравниваем содержание словарей. Обе культуры отразились в этих симптомах, позволяя нам сквозь них увидеть перво-реальность идеи, творящей культуру.

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 306.

Сравнение концептов

Где и как живут люди

Город и деревня

Сначала посмотрим, что говорится в соответствующих статьях словарей о городе. В КСРК (С. 657) соответствующая статья рассказывает о типах городов, о начале их появления, о динамике развития и устройстве (слободы и проч.). В целом это рассказ о *морфологии* города. Статья эта ничем особо не выделяется среди других, и ничто не говорит, что мы имеем дело с каким-то особым явлением культуры.

Зато в ССК (С. 113) статья о городе занимает чрезвычайно важное место. Город описывается *функционально*, через функции составляющих его блоков, это функциональное описание дополняется *эволюционно-структурным* описанием с упором на типы правового оформления городского местожительства. Город в Европе – это особый тип социальной организации, самостоятельная политическая и административная единица, корпорация с особым городским правом. Городское право сложилось из системы феодальных привилегий и частнопроводного иммунитета. Город – “коллективный сеньор”, он главенствует над окружающими его поселениями. Важнейшая функция города – экономическая. В городе возникает особый социальный тип – горожанин, который обладает примечательным набором качеств: рациональностью, расчетливостью, индивидуализмом, социальной мобильностью (ССК. С. 119). Подчеркивается, что **город** – это важная, центральная реалья Запада.

Община, которой никогда не было

Теперь из города отправимся в деревню. В “Русском словаре” сама деревня не привлекает особого внимания, но зато в ней живет община, обладающая особой значимостью. Утверждается, что **община** – своеобразная, нигде более в Европе не встречающаяся, ячейка общественного уклада русской жизни (КСРК. С. 655). Деревня и община – центральные элементы русской культуры.

А что наблюдается в другом культурном мире, в Европе? ССК сообщает, что германцы жили хуторами, общин у них не было, и позднее ничего подобного общине в Европе не возникало. Сельские поселения Запада примерно до 1000 года были “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены” (ССК. С. 134). То есть с самого распада Римской империи (которая, кстати, была империей городов) и до XI века на Западе деревня была совсем незначительна. Зато в XI веке произошла так называемая “сеньориальная революция”. Закон и порядок покинули пространства Европы, разграбляемые викингами, сарацинами, местными сеньорами. В таких условиях земледельцу нет никакой возможности пахать, если не прибьется под крыло одного из сеньоров-разбойников, который, по принципу Е. Шварца (“Единственный способ избавиться от дракона – завести себе собственного”), будет оную деревню сам грабить, а от прочих грабителей охранять. Так около тысячного года в Европе произошло “изобретение деревни”. Но никакой общины в деревне не было, и особого вида “общинного” права, наподобие городского права, не сложилось.

Итак, деревню в Европе сделали рыцари. ССК в статье о деревне говорит, что позднесредневековая деревенская демократия выросла из олигархии, нужной сеньориальной власти. То есть слабое и отдаленное подобие русской общины, называемое в Европе позднесредневековой деревенской демократией, возникло по инициативе “сверху”, для удобства управления зависимыми крестьянами. Далее в “Словаре средневековой культуры” отмечается, что позднее в Европе появляются крестьянские общины, но только

в XII–XIV веках и на основе церковных приходов. Община создавалась вокруг приходской церкви, и роль ее была невелика.

Резюмируя, “Словарь Запада” заключает, что крестьянство появилось в Европе в XI веке с укреплением феодальных отношений. Этот удивительный одиннадцатый век вообще породил множество особых объединений: в это время родилась деревня, университет, крестьянская община, городская корпорация и воровской цех. В общем, в разбойный век народ объединялся как мог. При этом специально оговаривается (ССК. С. 241), что крестьянство в Восточной Европе, в России – принципиально иное явление, чем “крестьянство” Запада. В словаре утверждается, что на Западе никогда не было крепостного права; крепостной в России был бесправен совсем, абсолютно, как раб, а на Западе все имели определенные права, входили в систему Права, связывающую все общество Запада.

Итак, если в “Русском словаре” особое место занимают деревня, община и крестьянин, то в “Словаре Запада” столь же особое место принадлежит городу, его корпоративным правам – и горожанам. Получается, что в русском мифе особое место занимает община с ее особыми свойствами: коллективизмом, взаимопомощью, некоторой даже соборностью, и формируется особый тип человека – общинник. Миф этот оспорен, опровергнут, забыт, повторен, снова разбит наголову, снова выступает из ничего... И вот – глядите! – каким уродился его западный близнец: миф о городе – коллективном сеньоре, о движителе истории (экономическом двигателе культурного процесса), о городе, который порождает своего человека – горожанина, которому уже даже Макс Вебер не нужен и протестантизм ни к чему, он уже готовый деятель нового времени, он уж не просто горожанин, а прямо-таки живой глобалист (помните? рационален, расчетлив, индивидуалистичен, социально мобилен... и чуть не написал – политкорректен).

Назвать что-то мифом – вовсе не значит сделать это несуществующим. Как уже говорилось, оба словаря представляют собой *культурное дей-*

ствие, которое обосновывает культуру фактом своего свершения. Сейчас в лежащих перед нами культурах (словарях) ситуация выстроена так, что на Западе действовал город, породивший своего особенного обитателя. Заостря различия словарей, мы можем сказать: западный горожанин построил Новое время, новую Европу, открыл Америку, сделал ее свободной, разыграл две мировые войны, устыдился, покорил свободолюбивой Америке весь мир, разнес ось зла и принялся за построение глобального мира. А в России была община, которой больше нигде не было, и она породила общинника, который, правда, не успел развиваться, и черты его характера тем самым были унаследованы россиянами виртуально – не от самого общинника, а от идеи, каким бы он был, если бы существовал, и это виртуально-культурное наследование оказалось столь прочным, что определило существеннейшие черты русской культуры и русского бытия.

Сравним отношение города и деревни в системе Запад/Россия. В обоих культурных регионах представлены и городской, и сельский тип поселения, но системообразующим в каждом является свой тип – и свой тип человека. Западная культура – городская по происхождению, а русская культура в большей степени связана с деревней.

Разумеется, если брать ситуацию крупномасштабно, то могут выявиться всякие дополнительные обстоятельства. Например, можно развить сказанное в словарях таким образом. Для деревенской России особо важной окажется роль Центра, Столицы,

в той или иной степени проецирующей на любой провинциальный центр. А в городской культуре Запада, может статься, выделенной окажется функция границы, фронта, куда “храбрые Билли” идут из городов убивать и умирать. Дополнив понятиями “столицы” и “фронта” городскую Европу и деревенскую Россию, мы получим значительно более объемную картину. Но это – другой масштаб, позволяющий увидеть явления интересные и значительные, но не определяющие своей спецификой всю культуру.

Выстраивая такое противопоставление – Город на Западе и Деревня в России, – можно не увидеть мелких деталей, зато можно различить самые общие контуры культуры: подняться над деревьями и увидеть Лес.

В самом деле, при чрезмерно детальном рассмотрении мы запутываемся в мелких различиях и неточных сходствах, и лес человеческих культур остается не увиденным. В наших словарях речь идет о двух огромных районах этого леса – и мы видим, что в одном “лесообразующий” фактор – город, в другом – деревня.

Дом

С темой деревни и города тесно связан такой концепт, как “дом”. В Европе, по ССК, единицей аграрного населения была не община (которой там не было, согласно словарю Запада), а усадьба, хутор, дом и домохозяин. Так в словаре и говорится: домохозяин – наиболее зримая основа публично-правового и этнокультурного существования варварской Европы. Дом (ССК. С. 143) – основополагающая социальная структура всех крестьянских культур, универсальная матрица представлений и жизненных практик людей. Далее в статье ССК говорится прежде всего о праве на дом, о правах и обязанностях членов домохозяйства. Дом – крепость не только для рыцаря, но и для любого крестьянина. Дом означал собственное пространство, в котором действовало собственное право, и отождествление дома с хозяином укре-

пляло развитие индивидуалистических тенденций в Европе.

Совсем иначе выглядит рассказ о доме в Словаре русской культуры (КСРК. С. 806). Вернее сказать, совсем никак не выглядит. Статья называется “Дом, Уют”. О доме в ней почти ни слова, основной объем статьи посвящен слову “уют”, которое, как выясняется, для русского языка чужое, однако интересно, откуда оно пришло и что означает. Затем в статье разбираются признаки уюта, говорится об интерьере и комфорте. А по-

том к этой статье добавлена дополнительная, концептуально связанная с ней статья – “Буратино”, очень интересная и очень подробная: история оживших кукол с массой интересных текстов и занимательных мыслей. Только о доме там ничего не говорится...

Если можно резюмировать статью одного словаря словами из другого, то надо прямо сказать, что дома в России – “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены”. Никакого собственного пространства, крепости, отождествления.

Центральная фигура

Итак, по КСРК, в жизни русской культуры центральная фигура – это общинник, крестьянин. В его стране нет города, зато есть Деревня, а в ней живет Община. У него нет дома. Дом в России не означен, как деревня – в Европе. Люди в России живут в отношениях друг с другом, а не в домах.

Совсем иначе выглядит европейская культура. Центральная фигура европейской жизни, судя по ССК, – купец, основной деятель городской корпорации, движущая пружина истории. Этот купец – горожанин, у него обязательно есть свой дом, и этот дом – почти продолжение его тела. Отношения с другими людьми зависят от этих первореальностей (Город, Дом) и определяются Правом. Впрочем, об этом – чуть позже.

Еда и питье

После того как мы выяснили, где живут люди в России и в Европе (в поле общиной и в домах поодиночке), добавим еще одну различительную деталь: что эти люди едят и пьют. В ССК (С. 170) имеется статья с названием “Еда”. В ней рассказывается, что в средневековой Европе можно выделить два ареала: Южная Европа – в большей степени вегетарианская, где питались в основном хлебом, и Северная Европа, где основная пища – мясо. Далее, по мере хода времени и социального развития, шла социальная дифференциация, и по всей Европе хлеб становится пищей бедных, а мясо – пищей богатых, знати. Отдельные разделы статьи говорят о пирах, праздниках, о *ритуалах* и обычаях, сопровождающих пиры; отдельный раздел – о посте и *системе* пищевых запретов.

В КСРК (С. 284) имеется гнездо статей: “Огонь и Вода”, “Хлеб”, “Водка и пьянство”. В “Огне и Воде” речь идет о крупных “изоглоссах”, о смысле “творящего огня”, то есть о концепте, наследуемом в кругу индоевропейских культур. Слово “хлеб” заимствовано из готского языка и в русском имеет исходно довольно узкое значение – “ржаной дрожжевой хлеб, выпеченный в виде каравая” (КСРК. С. 289). То есть русский хлеб – исходно черный. В статье “Водка” говорится, в частности, о культурных ареалах, связанных с этой реалией. Например, к белому хлебу, конечно, подходит вино, и вино с белым хлебом пьют в Европе, а в России хлеб – это хлеб черный, и пить под него (и наоборот, просто пить – с ним) лучше, конечно, водку. Европа, значит, выделена белым хлебом и вином, а Россия – черным хлебом и водкой. В мире можно выделить большие культурные ареалы по тем наркотическим средствам, которые употребляют люди. Всего автор насчитывает три таких крупных ареала: алкоголя (Россия и Европа), опия (Восток) и кофе с табаком (Африка, Америка). Внутри “алкогольного” ареала выделяется несколько субрегионов – виски, вино (Европа) и регион “специфически русского явления” (КСРК. С. 294) – водки. Последний раздел статьи “Водка и пьянство” называется “Связь русской водки с законами мироздания” (КСРК. С. 292).

Итак, статья о еде в ССК мало того что выделяет иные реалии и оппозиции (хлеб/мясо против хлеба/водки в “Русском словаре”, причем о мясе в русской культуре и слова нет). Очень большое внимание на Западе уделяется *формам* вкушения пищи (пир, ритуал, обычай, обряд, пост, запреты...). В “Русском словаре” об этом почти не упоминается, зато Хлеб с Водкой приобретают ранг философских категорий, определяющих культуру. В этой связи напомним, что в ССК чуть больше сотни словарных статей, и среди них почти никак не выделены “особо главные”. В КСРК статей – чуть больше 60 (вместе с дополнительными), и упомянутые Хлеб с Водкой входят в число Констант – с большой буквы.

Разумеется, в сравниваемых словарных статьях упомянуто множество тем, которых я даже не коснулся в кратком пересказе. В результате же сравнения словарей по теме “еда и питье” можно сказать следующее. В русской культуре важен состав пищи: “человек есть то, что он ест”. Особенности виды пищи, доминирующие в данной культуре, оказывают глубокое влияние на людей, так что названия пищевых продуктов расширяют свой смысл до мировоззренческих категорий, строящих мироздание. На Западе тоже уделяется большое внимание составу пищи, но еще более важной оказывается форма, в которую облечено ее поглощение.

Важно не то, что человек ест, а то, как он ест (вспомним Н. Элиаса, выводящего из такого рода “формальных бытовых обычаев” понятие “цивилизованности”).

Нехорошие вещи

Грехи

В “Словаре средневековой культуры” статья с этим названием наполнена схемами. Основное ее содержание – различные схемы грехов, которые были изобретены теми или иными богословами. Так, грехи были систематизированы греком Евагрием Понтиком в IV веке. Эта систематизация исходила из трудностей грехоизживания и очень полезна для личного духовного

К белому хлебу, конечно, подходит вино, и вино с белым хлебом пьют в Европе, а в России хлеб – это хлеб черный, и пить под него (и наоборот, просто пить – с ним) лучше, конечно, водку. Европа, значит, выделена белым хлебом и вином, а Россия – черным хлебом и водкой

совершенствования. Сначала в ней перечислены грехи телесные, грубые, а потом идут трудноизживаемые духовные грехи. В V веке Иоанном Кассианом предложена другая система. Здесь все грехи выстроены генеалогически, по своему происхождению – от гордыни до самых маленьких грешат. Потом в VII веке папа Григорий Великий создал свою систему, потом все эти системы боролись меж собой, потом папова система победила. Завершается исполненная понятных схем статья заключением, что эволюция представлений о грехах связана с ростом городов, возрастанием роли торговли, купцов, изменением нравственности и проч. Списки грехов, составляемые учеными богословами, оказываются, отражают происходящие социальные изменения.

В “Словаре русской культуры” (КСРК. С. 890) тоже есть раздел о грехах. Центральным концептом русской жизни в данном направлении оказывается Тоска, и только как рефлекс, как одно из отражений этого центрального концепта возникает представление о грехе и искуплении. Грех толкуется по Кьеркегору и Дамаскину с привлечением Шестова. Здесь нет и следа схемы или

системы. Ю.С. Степанов излагает философию человеческой души, философию страха и тоски, приводящих к греху. Проводится исповедальное проникновение в глубины души, к корням греха. На многих страницах раскрывается не система грехов, а богословие греха и покаяния.

Здесь мы замечаем противопоставление даже не столько содержания статей, сколько взглядов на предмет, противоположность того, как автор относится к предмету своего описания. Для ССК грехи как таковые – не вполне существуют (мы же просвещенные люди, в самом деле...), речь сразу заходит об оформлении тех культурных феноменов, которые возникали в европейской культуре в связи с таким понятием, как “грех”. А в “Русском словаре” – наоборот, автор почти не успевает сказать о “форме”, его сразу захватывает само содержание. Грех здесь, в России, вполне реален, он поедает души, является серьезной задачей, с ним надо разобраться, понять, изжить... Тут “феномены культуры” служат не для схематизации знаний о грехах, а для обучения: автор учится сам и призывает читателя: “Смотри, я нашел, где эта пакость коренится. Ее вот отсюда удобнее ухватить и выковыривать. Это *вот так* делается...”

Дьявол

Раз зашел разговор о грехе, как без этого... В обоих словарях есть. Но – прелюбопытно различным образом. Вот “Словарь средневековой культуры”. Статья “Дьявол”. Сами понимаете, этимология и мифология, рассказ о том, как в народной европейской культуре происходило сплетение христианской теологии и фольклора. Красивые примеры из средневековых проповедей. В общем, отличная историко-антропологическая статья.

А “Словарь русской культуры”... статья в нем называется “Черт, бес”. Этимология, но тут же и описание внешности черта. Подробно описаны его многочисленные неприятные свойства, его характер. Приведены синонимы и разобрано происхождение этих иных наименований того же черта. Персонаж получается, в общем, симпатичный, юморной. Не без греха, но зато затейник. Наш бес, свой, родной...

Дальше обнаруживается, что... черт как концепт связывает нас с глубинными пластами народной славянской культуры, а Дьявол и Сатана (как культурные концепты) – включают нас в культуру Европы (КСРК. С. 866). То есть черт у нас свой, русский, не европейский какой. И водку, надо полагать, хлещет, черным хлебом занюхивая.

В конце статьи о черте намекается, что в европейском срезе, где не бес, не анчутка, а Дьявол, – там, в европейской культуре, готовится (людьми готовится, людьми, но все же) примирение Бога и Дьявола. Вот так культура-то легла, вот такой стороной, европейская... Смотри и понимай, кто слышать может.

Какое уж тут, к черту, заключение к разделу писать, что теперь сравнивать... Вон в Европе какую гадость удумали – просто слов нет.

В “Словаре Запада” дьявол – мифологический персонаж, и описание его по текстам средневековой культуры принципиально такое же, каким могло бы быть описание Арлекина из комедии дель арте, Гансвурста или Панча. В “Русском словаре” константа “черт” выводит к совсем другим смыслам. Услуги дьявола покупаются за деньги, он органически связан с миром денег (КСРК. С. 869). Дьявол наступает, захватывает нашу цивилизацию, и схватка с ним – содержание третьего тысячелетия христианской истории (КСРК. С. 871). Дьявол в “Русском словаре” – вовсе не сказка для необразованных, он – действующий смысл, разрушающий культуру человечества. Так что различия между русским чертом и европейским дьяволом весьма глубоки, один – реальная сила, другой – сказочный персонаж.

Высшие ценности и высокие понятия

Время: круг и линия

Статья с таким названием есть в обоих словарях. В КСРК (С. 117) показано, что слово “время” происходит от концепта “круговорот”; время в русском языке – циклическое. В этом смысле оно противостоит линейному библейскому времени и восходит к колесовороту, круговороту времен года и сельских работ.

В ССК (С. 96) говорится, что в архаических обществах время циклическое. Средневековая цивилизация Запада – аграрная, в ней время повторяется, оно еще в значительной мере циклично. Но христианство разрывает закольцованное время, в XIII веке изобретают механические часы, устанавливаемые на башнях соборов, и происходит переход от “времени церкви” к “времени купцов”: время – деньги. Разумеется, это только начало процесса, процесса выпрямления измеренного времени.

В Средние века в Европе время еще слегка сбивалось в цикл, но в Новое время было решительно выпрямлено, что равно пригодно хоть для смысла христианского, хоть для прогрессистского, а хоть и для банковского. А Россия – страна аграрная, во многом от прогресса отсталая, и время у нас по культуре циклическое. Константа такая.

Вера

КСРК (С. 376) дает чрезвычайно интересный анализ понятия “вера”. Слово это оказывается этимологически и концептуально близким к “доверию”. Внутренняя форма концепта “вера” – круговорот общения субъектов, внушение доверия. Исходно имеется неравноправный договор человека и божественных сил, и результатами этого неравноправного договора выступают такие понятия, как *вера* и *беда*; в этом отношении они оказываются близкими – результат одного и того же отношения, ср.: у-бедить и по-бедить (КСРК. С. 378). Итак, из одного древнего индоевропейского корня, концепта “договор”, растут в славянских языках два концепта: результат внешнего подавления – беда, и результат доверия – вера. На базе славянских языков выделяется особая схема отношений: запрос – внушение доверия – вера – запрос... (КСРК. С. 380). Образуется гнездо слов: верный, истин-

ный, клятва верности = вера. Концепт “веры” связан не с Богом, не с жертвой – а с договором! Но именно в славянских языках подчеркивается аспект надежности этого договора, его *доверительности*. Затем в словарной статье излагается развитие концепта “вера” через мысли Вл. Соловьева, Г. Флоровского, В. Лосского, Иоанна Дамаскина... Завершается этот анализ концепта “вера” в “Русском словаре” – Розановым: этот до болезненности чуткий мыслитель говорит, что русская вера – она для старых, убогих, она помертна, для тех, кто стоит перед гробом, и понять ее до конца могут только люди, для которых эта жизнь вот-вот закончится, люди, одной ногой стоящие уже на *там* свете.

В ССК (С. 217) статьи “Вера” нет, самым близким ее подобием является статья... “Католицизм” (отметим, что в КСРК статьи “Православие” – нет). В статье ССК излагается история конфессии. Главной темой статьи является разделение церквей. Специальные разделы посвящены отношениям между церковью и империей – в Византии и на Западе, а также истории папства. Показано становление церковного устройства католической церкви: развитие школ, монастырей, рост организации. Затем рассказано о таких заметных чертах католицизма, как рыцарские ордена и крестовые походы, после

чего доходит речь до социальной истории. На Востоке имелось сильное государство и соотносящаяся с ним церковь, а на Западе – коллапс государства и церковь, вынужденная существовать и расти в условиях этого коллапса. Эти различные условия социального бытования оказывают, по мысли ССК, сильное влияние на дальнейшее развитие конфессий. В частности, каноническое право сильнее развивалось на Западе. С XII века развивается, по высказыванию автора статьи, “мистический *юридизм*”, проявляющийся в схоластике, классификации грехов и множестве иных “слишком формализованных” и “юридически оформленных” явлений в католицизме.

Если мы попытаемся сравнить столь разные статьи, то увидим следующую картину. В КСРК изучается *само явление*, разговор идет о том, что представляет собой “вера”. В ССК разговор идет о *форме веры* в одной из культур, в культуре Запада. Это – краткая история особого культурного института, церкви; точнее – одной из конфессий. И подобно тому, как сама эта конфессия была заражена некоторого рода формализмом и юридизмом, так и статья о ней отличается именно формальностью подхода к теме – чему противостоит потрясающее развитие темы в “Русском словаре”, где индоевропейские корни граничат с текстами философов, а рассуждения о договоре и доверии – с Розановым, в соседстве с которым уже ничто не может остаться систематичным.

И еще: не противоречие, может быть, но различие – в “Русском словаре” подчеркивается связь “веры” с доверием, с особой доверительностью, а для “Словаря Запада” более характерно указание на связь веры с правом. Право предстает во множестве форм: это и организационное устройство церкви и государства, разграничение их сфер влияния, и развитие канонического права, и формальные конфессиональные различия, и системы понятий, описывающие грех, святость, божественность. Право выступает как регулятив, как закон, как граница, как организация и порядок, как форма общения, собственности, торговли. Право как богословие, право как философия, право как религия... Право как форма

существования. Различные лики концепта “право” выступают в статье ССК, а статья КСРК почти не касается этого концепта. В ней говорится о доверии и договоре, разговоре и общении, беде и доверительности, воззвании и ответе – о совсем не правовых категориях.

Любовь

Интересно отметить, что сравнивать в случае с этим концептом почти нечего. В КСРК есть статья “Любовь”. Концепт “любовь” развивался в славянских языках по той же семантической модели, что концепты “слово”, “вера”: модели взаимных отношений двух лиц (КСРК. С. 395). “Любовь”, по мнению автора, “духовный концепт”, при его рассмотрении производится различение любви земной и небесной, вполне в русле самых высоких философских традиций. При этом в русской народной культуре концепт “любовь” понятийно не развит, целомудренно не обсуждается (КСРК. С. 412). Совсем в другом месте, в статье “Трех” есть раздел “Блуд”. Ясно, что там говорится совсем не о любви.

А в ССК совсем нет статьи “Любовь”, наиболее близкое понятие – статья “Куртуазная любовь”: это *категория* средневековой куртуазной

литературы. То есть речь идет о литературном жанре, о придворной литературе, и отношение этой статьи к концепту “Любовь” вполне можно описать, указав, что почитание и обожание дамы, жены сеньора, производилось в тех же терминах, что и служение сеньору.

Личность

КСРК (С. 696) содержит обширную статью под таким названием. Интересно: утверждается, что в современном русском языке слово “личность” отошло на второй план, передав свое значение слову “человек”. Слово “личность” – новое, в древнерусском его не было. В статье рассказывается, как медленно и с трудом пробивалось понятие “индивидуальность” в русской жизни. Индивидуация человеческого существа идет посредством все большего осознания телесности, материализации человека. О высоком философском уровне обсуждения в этой статье можно составить представление и по смежным понятиям из того же концептуального гнезда: “Душа”, “Телесный”, “Ангел”.

В ССК (С. 260) имеется статья с точно таким названием, что внушает надежды на взаимность между словарями. Изложение здесь ведется следующим образом. Запад на определенном этапе своего развития вышел за границы традиционного общества, что связано с появлением нового типа личностей. Прорыв к новому всемирно-историческому горизонту произошел благодаря

В современном русском языке слово “личность” отошло на второй план, передав свое значение слову “человек”. Слово “личность” – новое, в древнерусском языке его не было

развитию культуры индивидуалистического типа. На Западе индивидуальность стала центральной ценностью культуры Нового времени. Что же до самого слова “личность”, то где-то в XIII веке начало вырисовываться понятие “персоны”, “личности”. Появление этого понятия было

связано с проповедью – обращением проповедников к стоящим перед ними людям, со смертью, в которой гибнет индивидуальное существо, с идеей спасения, о которой можно говорить применительно к индивидуальной, *этой* душе. Тогда же происходит множество интересных яв-

На Западе появление понятия “личность” связано с проповедью – обращением проповедников к стоящим перед ними людям, со смертью, в которой гибнет индивидуальное существо, с идеей спасения, о которой можно говорить применительно к индивидуальной душе

лений в европейской культуре, в частности – с этого времени начинается индивидуализация почерков (ССК. С. 268).

Статьи по своему смыслу почти идентичны. Слово “личность” в обеих культурах новое, приходит с культурной периферии. Само явление в обоих случаях связано с телесностью человека, индивидуальность прирастает, обращая внимание на тело. Можно вспомнить, что в Европе, как уже говорилось, индивидуации способствовало еще и отношение к дому (крепости тела). И в России все, согласно КСРК, так же и происходит (сравнивать степени и скорости процессов не будем). Единственное слегка намеченное расхождение – может быть, кажущееся – в значимости концепта. В ССК индивидуализация человека – едва ли не самый главный, центральный процесс европейской цивилизации. А в “Русском словаре” – одна из нескольких десятков констант. Можно указать на такой различительный оттенок: в ССК “личность” – понятие *важное и центральное*, но не сказать чтоб особо *высокое*. Бытовое, прямо скажем, понятие. Важное, как хлеб насущный: индивидуация. Какое ж без нее право частной собственности, скажем? А в “Русском словаре” слово это оказывается пограничным с совсем *высокими* понятиями, и окружающие его смыслы не повседневны.

Закон и право

КСРК (С. 571) обозначает исконный смысл концепта “Закон”: закон есть предел для действия. Особенность русской культуры в том, что закон мыслится как предел, межевой столб, грань, за которой лежит какая-то иная среда жизни или духа. Закон – не высшая категория мироздания, а граница внутри сферы более широкой. Взгляд “с той стороны” этого предела, неподчинение пределу – основная черта этого русского культурного концепта. Так расшифровывает автор значение этой категории. Остановимся и повторим: получается, что для русской культуры основной смысл концепта “Закон” – в *неподчинении* ему, нарушении его, в выходе за закон, на ту сторону. За подробным обоснованием этой точки зрения следует обратиться, разумеется, к КСРК, вкратце же можно упомянуть пару примеров. Автор указывает на “обратное” для юридического закона в России: закон совести. “Обратное” для закона Божьего: двоеверие, то есть наличие в обществе двух систем законов, христианского и языческого.

Совершенно иначе выглядит соответствующая статья в ССК. В ССК нет статьи “Закон”, а в статье “Право” (С. 381) говорится, что это – всеобщий регулятив социальной жизни. Право пронизывает все, и природные отношения в том числе (в ССК имеется отдельная статья “Судебные процессы над животными”). Любой человек причастен к праву и подвластен ему. В Средние века на Западе существование признавалось лишь за тем, что обладало правовым статусом. Право – всеобщая связь людей. Среди связанных с этим понятием концептов в “Словаре Запада” используются: ритуал, формула, казуистика, обычай.

В европейской культуре право – это “всё”, всеобщий способ действий, условие действий, цель действий. Более того, право – естественная форма социального действия. Люди сами стремятся оформить свои отношения, так что право естественным образом детализируется и прорастает во множестве явлений социального бытия. А в России... Закон действует откуда-то извне, проводя в обществе черту, границу, за которую почему-то нельзя заходить. А человека

в России тянет именно перейти, посмотреть, что за чертой, свободно двигаться, не взирая на границу. Получается, что закон в русской культуре – категория внешняя, искусственная. Люди не создают для себя законов, законы возникают “сами” и начинают мешать, а дело людей – законы обходить, перепрыгивать, искать в них дырки. Трудно придумать нечто более явно разделяющее две культуры, чем такое отношение к закону (праву).

Святое и сакральное

КСРК (С. 845) описывает концепт “Святое”. По мнению автора, это производный концепт от более глубинного концепта “Святые”. Далее говорится об отделении мира богов от мира людей и возникновении в этой связи понятия “святое”. Святое – всегда часть оппозиции, не самостоятельное понятие, оно всегда требует двойника, пары. В русском языке и в русской культуре таким двойником к концепту “Святое” служит концепт “Скверна”. Автор выстраивает такой ряд понятий: святое (божественное, вне мира людей) – сакральное (связанное с миром людей, но для них запретное) – скверна. В этом ряду элемент “сакральное” подвижен, может смещаться к тому или иному полюсу. В греческой и латинской культурах “сакральное” теснее связано со “Святым”, а в русской культуре – со “Скверной”. В силу этого русская культура приобретает более сильно выраженный дуалистический характер.

ССК (С. 446) описывает концепт “Сакральное” (отдельной статьи для “Святого” нет). Сакральное противопоставляется “профанному”, сакральное – это запрещенное. Статья словаря выстроена так, что в самом ее начале утверждается: мысль о сакральном введена в культурологию Э. Дюркгеймом и в христианскую теологию пришла из социологии религии. Церковь – это специальный “институт сакрального”. Так называемое “сакральное” сосредоточено в отдельных местах (храмы, места паломничества), эти сакральные места защищены от святотатства *каноническим правом*. Далее говорится, что имеется целая иерархия сакрального, например, *иер-*

архия таинств культа, иерархия святых, их мощей и т. д. В конце статьи сообщается, что общая тенденция в развитии европейской истории – десакрализация мира. Однако сакральное, тем не менее, не исчезает, оно переходит в иные области культуры. В Новое время сакральности церк-

В европейской культуре право – это “всё”, всеобщий способ действий, условие действий, цель действий. А в России закон действует откуда-то извне, проводя в обществе черту, границу, за которую почему-то нельзя заходить. А человека в России тянет именно перейти, посмотреть, что за чертой...

ви противопоставляется сакральность короля, потом – нации. Патриотизм и национализм – это секуляризованные формы сакрального. Тем самым весь текст статьи устроен так, что является метатекстом, он повествует не о “самом сакральном”, а о том, как это понятие представлено в культуре и в текстах, комментирующих эту культуру.

Итак, сами авторы словарей видят разницу в понятиях русской и западной культур в том, что сакральное в России – ближе к скверне, на Западе – к святому; в России существует противопоставление святое/сакральное + скверное, на Западе – сакральное/профанное. Но мы обратим внимание и еще на один аспект. Судя по “Русскому словарю”, в России *есть* святое и скверное, это реалии, с которыми соотносится русская жизнь. Судя по “Западному словарю”, сакральное – это скорее категория

научного анализа культуры, культурологическое понятие, чем жизненная реальность.

Мир

Специальной статьи “Мир” в “Словаре средневековой культуры” нет, но есть подобная, называется она “Божий мир” (ССК. С. 51). Это особая форма мира, ограничение открытого насилия. Институт Божьего мира появился вследствие деградации судебной власти. Церковь пыталась за-

Если можно резюмировать статью одного словаря словами из другого, то надо прямо сказать, что дома в России – “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены”

нять господствующие позиции в обществе и вводила особые правовые институты – Божий мир, Божие перемирие. Эти правила ограничивали насилие в определенных местах (монастыри, места паломничества), в некоторых случаях (против безоружных), в некоторые времена (церковные праздники) и т. д. Божий мир – это скрепленный условием духовных санкций со стороны церкви общественный договор. В дальнейшем эта форма правового действия значительно повлияла на развитие канонического и городского права.

Так выглядит мир западной средневековой культуры. Если же мы обратимся к статье “Мир” в “Словаре русской культуры”, то обнаружим, естественно, что под этим словом скрываются два связанных концепта – мир-вселенная и мир-согласие, или “мир” и “mír”. Ю.С. Степанов замечает, что “особая черта русской культуры – в том, что она... сохраняет это совмещение (*совмещение указанных двух концептов – Г. Л.*), сменившееся в других европейских культурах более резким разделением” (КСРК. С. 86). Что же до смысловой революционным напором разницы в правописании – мир и mír – то Ю.С. Степанов говорит, что она издревле соблюдалась очень нечетко,

испокон веков в правописании этих слов путались, обычно выставляя “мир” как в случае “вселенной”, так и в случае “согласия”.

Вслед за различием двух смыслов – мира и мiра – статья рассматривает концепт “мира как обжитого пространства” (в очень широком контексте сопоставлений). Здесь сходятся концепты “место”, “свой/чужой”, “жизнь”, обсуждается структура мира – от “дна” (подземного мира) до вершины (мира заоблачного), а также “центр мира”. Через концепт “свой/чужой” (“мир, где живут свои, обжитой мир”) разговор переходит к вопросу о населении мира (КСРК. С. 113), через древние концепции мироздания – к появлению концепта “Мир-Вселенная, Универсум”. Далее рассматривается вопрос о времени мира, и многие страницы посвящены разбору концепта “время”. В целом “мир” – одна из самых крупных статей в словаре, и она идет первой вслед за вводными статьями. Тем самым концепт “мир” оказывается для русской культуры первичным, одним из самых глубоких, из него “растут” остальные смыслы и понятия.

Вот так выглядят сходные статьи о мире – в “Западном словаре” и в “Русском словаре”. В одном – всюду правила, статуты, договор, установление, институции... Причем статья о мире имеет в ССК узкий смысл частного правового установления (“Божьего перемирия”), а в русском словаре, наоборот, право есть одно из отдаленных следствий существования мира.

Заключительные замечания

Идеи, составляющие две культуры (европейскую и русскую), во многом схожи, но есть и яркие противоречия. О сходстве мы особенно не говорим: чтобы говорить о сходстве, нужен третий член сравнения, нужно что-то чужое и дальнейшее обоим культурам: Китай, ислам или индейцы первобытные. Но на индейцев в этой статье у нас нет места, и нет никаких индейцев в словарях, так что и не будем о них говорить.

Итак, речь идет о различии словарей, различии культур. Вкратце напомним, как выглядят некоторые из оппозиций, заметных при сравнении словарей.

В Европе главное действующее лицо культуры – индивид (общины нет), хозяин, живущий в собственном доме, горожанин. В России центральной фигурой является крестьянин, общинник, живущий таким образом, что даже в “Словаре русской культуры” в статье о “Доме” нету дома.

Едва ли не основным изобретением Европы является город; Россия изобрела столь же уникальный социальный организм – деревенскую общину. Город – центр – малозначителен в России, и потому незначимой оказывается и граница. Россия означена Столицей и Провинцией; Запад, напротив, “поддерживает” категории Центра – в нем значим город и граница, или приграничная периферия.

Центральной категорией культурной жизни Запада является право. Описание западной культуры всюду следует законам формы. В России важнее оказывается внутренняя суть явления, его сущность, и не право, а правда. Право (закон) оказывается важным регулятивом и в Европе, и в России, но если в Европе закон почитают, держат “сторону закона”, то в России закон служит *обратным регулятивом* действия: за закон следует преступить, действовать надлежит “с той стороны”. Так устроены и описания культуры в соответствующих словарях: в ССК смысл подчинен соблюдению формы, в КСРК забота о соблюдении формы не может противостоять желанию эту форму разрушить – ради смысла.

Грех предстает на Западе как “система грехов”, в России – как философия тоски и отчаяния. Вера на Западе есть конфессия, некая социальная институция, в России – непосредственно ощущаемое умонастроение. Индивидуальность – центральное и вместе с тем обыденное понятие западной культуры, а в России это понятие “высокое” до недостижимости. Эта разница культур проявляется даже в образах нечистой силы. Черт, бес, анчутка – наша нечистая сила, вредная, но юморная. Дьявол, Сатана – европейские демоны, деньгами деланные и серьезно ведущие мир к гибели.

Таких интересных оппозиций можно набрать и больше. Однако с самого начала мы

предприняли этот анализ, это сравнение словарей, чтобы не только представить, насколько различны базовые установки двух культур, но и чтобы понять, как этим культурам говорить, как понимать друг друга, какие особенности учитывать, даже когда речь идет об одних и тех же словах, понятиях, концептах. В самом деле, если при слове “закон” европеец благоговейно следует его указаниям, а русского неудержимо тянет преступить, и еще преступить, и посмотреть, как вообще это бывает и с той стороны, и с другой... Остается учитывать местные особенности. А кроме учета?

Бесформенность и формализм

Сама структура сравниваемых словарей выдает это противоположное отношение к форме в России и в Европе. В “Словаре русской культуры” подробно объясняется структура каждой словарной статьи, то есть в каждой статье дается конкретный план изложения данной статьи. Словарь переполнен перекрестными ссылками, отметками о том, что нечто можно найти в другом месте... Словарь показывает неустанную работу формы. Но в целом найти что-нибудь в нем довольно трудно – скажем, о времени говорится в статье “Время” и еще в статье “Мир”. Действи-

И несомненно культурно самостоятельная Европа, и Россия, чья культурная самостоятельность спорна, вроде бы даже сомнительна, живут одним и тем же: действием идей соответствующей культуры

тельно, концепты ведь связаны друг с другом, и “Двоеверие” расположено в разделе “Закон”, а вовсе не в “Вере”, потому что так устроены русские концепты... И потому концепты идут “гнездами”, “Огонь и Вода” вместе с “Хлебом” и “Водкой”, вместе идут “Страх”, “Тоска”, “Грех”, “Блуд”, “Грусть”, “Печаль”... Содержательные оправдания именно такого расположения материала

наличествуют в избытке, а вот формы – формы нет. Есть громада замысла и иногда соотнесенная с ней громада материала, форму же этому всему должен придать читатель. Форма “Русского словаря” вынесена из него и отнесена к дея-

В обоих культурных регионах представлены и городской, и сельский тип поселения, но системообразующим в каждом является свой тип. Западная культура – городская по происхождению, а русская культура в большей степени связана с деревней

тельности внешнего (и необходимейшего) агента – читателя, со-творца, собеседника, который будет спорить с автором, не соглашаться, приводить свои соображения, через 147 страниц находить ответный аргумент, восхищенно чесать в затылке и восклицать что-то ёмкое, вроде: “Ай же ты! Вот ведь как оно...” Можно сказать и иначе: форма – и форма сложнейшая – здесь строится, вдыхается в материал, и читатель застаёт это оформление в процессе и должен ему поспособствовать по мере сил.

А “Словарь средневековой культуры” ничего не говорит о своей структуре, в предисловии сказано только о точке зрения, которая объединяет коллектив авторов. Само устройство словаря очень простое – статьи расположены по алфавиту. Здесь все просто и ясно: есть понятия культуры, есть автор, есть очерк, принадлежащий этому автору – очерк точный, конкретный, научный, так что пользователь осваивает содержание словаря легко, и все для него ясно. Жаль только, у этого словаря оглавления нет – но это, видимо, дань восточному происхождению “Словаря Запада”.

Отметим – на случай возможного непонимания – более слабая причастность КСРК к миру форм вовсе не есть эллипсис простой мысли, что этот словарь интеллектуально слабее. Напротив: уровень интеллекта, потребный для чтения

КСРК, много выше, чем для ССК. ССК – именно словарь, составленный специалистами высшего класса для просвещения тех, кто обращается за знаниями к словарю, для непрофессионалов. КСРК – совсем иной, это высокоинтеллектуальный продукт, призванный вызывать своим содержанием размышления (глубокие) у интеллектуалов класса, близкого к авторскому. ССК написан “сверху вниз”, от знающих – к незнающим, от учителей – к ученикам; а КСРК – написан “горизонтально”, от высшего к высшему, и “низший”-необразованный в нем утонет, не разберется. В этом смысле это вовсе и не словарь, а монография-размышление, которой придана форма словаря; монография, стилизованная под словарь.

Основное противостояние двух культур, основная оппозиция, их разделяющая, – это оппозиция *бесформенность/форма*.

Во множестве примеров из двух многотомных книг всюду мы находим одну картину: на Западе мы встречаем мир деятельно вырабатываемых форм, устоявшихся форм, определяющих деятельность людей. Действительность Запада насквозь формальна – и вовсе не в “ругательном” смысле: люди и явления, слова и понятия имеют там оформленные лица, так что сразу можно понять, с чем ты сталкиваешься; мир формы дает одну из важнейших категорий европейской культуры – *claritas*, ясность. Стоит нам сдвинуться в мир русской культуры, как мы встречаем полную спутанность форм, их отсутствие, их неисполнимость и нереальность, их замысленную строгость, размытую несделанностью и непродуманностью. И это тоже вовсе не “плохо” – то есть плохо, только если мы признаем форму высшей ценностью. Однако эта спутанность формы в России не является и достоинством; в России мы видим другие добродетели, но вот достоинства оформленности и ясности мы в России не найдем.

Не то что в России совсем не действует мир форм. Может быть, даже наоборот: в России формы очень деятельны, в Россию идет проникновение формы, непрерывное оформление явлений, но происходит это с трудом, мир формы не дается пока России, и она не дается полностью

миру форм. А на Западе – привычное мастеровитое обращение с формой, договор и право это всем ремесленно знакомые инструменты, это не проблема.

Россия учится работать с формой. Учится у Запада. То, что у нее получится, – не обязательно та же форма, западная, может быть, и своя, даже наверно своя... Но работать с формой надо уметь. Ученик художника потом напишет *свою* картину, но пока он учится у учителя – не учителю картину рисовать, а просто рисовать. Запад научился работать с формой, создавать ясный мир интеллектуальных форм. Запад научился производить эти формы естественно, как дыхание, для него не составляет проблемы оформить нечто, у него иной вопрос – *что* оформлять. Задача русской культуры – не в копировании конкретных форм, выработанных западной культурой для своих нужд, а обучение самому умению оформлять свое содержание.

В ССК (С. 13) сказано, что основной мотив средневековой западной культуры – взаимодействие христианства (католицизма) с народными верованиями, из чего и выросла культура Европы, прошедшая затем Ренессанс и Реформацию и сумевшая *создать* Новое время. Действительно, помимо города и рациональности, становления линейного времени купцов (того, которое – деньги), помимо возникновение личности, в обоих словарях прослеживается еще один сквозной мотив – и здесь уже не скажешь, что это просто ряд противопоставлений. Основным мотивом Средневековья были христианство и христианизация Европы. И для России, по мысли многих великих и славных, главным “мотивом” является христианство, православие. В Новое время мотив угас, заглушен иными ритмами, замечаем все реже. Так – и в Европе, и в России. Сменились времена, и теперь даже в “Русском словаре” лучше говорить о концепте “Вера” – отступить к последним рубежам. Уже не говорим, какая – но сама-то?! Ведь есть! Или нету?..

В обоих словарях и культурах христианство и вера отходят на задний план. И возникает только один вопрос – уже не надежда: а *каким образом в современных культурах можно ве-*

рить? В “Словаре Запада” нет уже и вопроса, а есть такая принятая культурная форма – католицизм, “институт сакрального”, организационная машина по выработке сакрального (подобно тому, как наука в XX веке стала машиной

В русской культуре важен состав пищи: “человек есть то, что он ест”. На Западе составу пищи тоже уделяется большое внимание, но еще более важной оказывается форма, в которую облечено ее поглощение. Важно не то, что человек ест, а то, как он ест

по выработке истины). В “Русском словаре” выражается иное: дело уже не в конфессии, а в христианстве, в вере. Прежняя жизнь этого концепта в культуре становится невозможной; вера становится не предметом “готовой формы”, а предметом исканий; в “Русском словаре” рядом с Дамаскином – Кьеркегор, и это – симптоматично?

Впрочем, читатель обоих словарей с большой вероятностью принадлежит к той обширной страте населения, для которой этот вопрос – о вере – и вовсе не осмыслен. Они думают, что они не верят. Для них вопрос можно перефразировать: каким образом в современной культуре что-либо можно *знать*? Возникает впечатление, что Европа уже дала ответ на этот вопрос, а Россия, таким ответом не удовлетворенная, ищет иной ответ.

Что приятно, форма вопроса такова, что ответ не может быть частным: его можно найти для всех или ни для кого, а только для себя – не найдется.

